Гриндевальд встал, что было удивительно для его возраста. - Это не на змеином языке, - сказал он. - Это на финикийском.

- Но это же мертвый язык, - возразила Скитер. - Никто не говорит по-финикийски уже тысячи лет, с тех самых пор, как римляне разгромили карфагенян в Третьей Пунической войне. Все, что от него осталось - это алфавит и несколько слов.

- Меня забавляет, что Вы мне противоречите, - сказал Гриндевальд. - Вы позволите мне опровергнуть Ваши слова? Для этого мне придется обратиться к Вам. - Скитер кивнула, и худой старик подошел к ней, взяв ее руки в свои. Он пристально посмотрел ей в глаза, а затем, отпустив ее руки, положил кончики пальцев ей на виски. Его прикосновение было бесконечно нежным, и Скитер почувствовала лишь легкое давление. Затем старый волшебник отступил назад.

- Пожалуйста, проверьте бумагу еще раз, - сказал он.

Скитер приподняла бумагу и уставилась на нее. Смысл выплыл перед ней со страницы так же легко, как если бы он был написан на ее родном языке. Она прочитала вслух содержание письма на безупречном финикийском языке.

- Вы ошиблись, Мисс Скитер, - сказал Гриндельвальд на том же языке. - Я знал, что есть один говорящий, Вы сказали, что его нет, а теперь их двое.

- Я ошиблась, - признала Скитер, чувствуя, что должна ответить по-финикийски, поскольку к ней обращались на этом языке. - В Вашем присутствии я буду осторожна в произнесении декларативных фраз.

Гриндевальд улыбнулся, заметив, что Скитер использовала подобающую форму обращения, когда подчиненный разговаривал с вышестоящим, впервые с 1945 года к нему так обращались на любом языке.

- Благодарю Вас, - сказал он, переходя на английский язык в пользу молодого волшебника, который не мог следить за предыдущим обменом репликами, поскольку его еще не приняли в очень эксклюзивный клуб говорящих на финикийском языке. - Я заметил, что Вы не удивились тому, что я знаю Ваше имя.

- Я полагала, что Вы узнали это, а может быть, и гораздо больше, когда положили руки мне на голову, - ответила Скитер. - Не будет ли неуместно задать Вам один вопрос?

- Вовсе нет, - ответил Гриндевальд. - В конце концов, это одна из причин, почему Вы пришли сюда. - он велел гостям сесть на пол, а затем, придвинув единственный в комнате стул, сел рядом с ними.

- На скольких языках Вы говорите? - спросила Скитер.

- На всех, - сказал Гриндевальд. - Все языки, древние, современные и вымершие. Языки не только людей, но и всех разумных магических существ. Я понимаю смысл, выдаваемый бессознательными выражениями лица и движениями рук. Если Вы напишете что-то для меня, я пойму не только буквальный смысл слов, но и дополнительное сообщение, которое Вы видите в том, как Вы формируете свои буквы. Язык тела для меня не просто выражение. Я прекрасно это понимаю.

- И что же Вы прочли по выражению моего лица? Тону моего голоса? Тому, как я сижу? -

спросила Скитер.

- Войдя в комнату, Вы почти сразу же решили, что я дряхлый идиот, хотя Ваше чувство приличия заставляло Вас изо всех сил это скрывать. Ваше первоначальное мнение быстро сменилось другим. Я вижу, что Вы полностью осознаете огромную пропасть между нами. - Скитер кивнула. Это было то же самое чувство, которое она испытывала всякий раз, когда была с Дамблдором. В присутствии директора она очень остро ощущала его превосходство, но не так, чтобы это смущало или стыдило ее. Напротив, она всегда чувствовала себя польщенной, находясь рядом с ним. Ей и в голову не приходило, что на свете есть другой волшебник, способный вызвать в ней такие же чувства.

Гриндевальд снова перешел на финикийский. - А теперь расскажите мне о главной цели Вашего визита, потому что во время моего краткого контакта с Вами я чувствовал ее лишь смутно. - Скитер ответила на том же языке.

- Мальчику сказали, что он здесь в качестве моего эскорта, хотя на самом деле я всего лишь предлог, чтобы привести его к Вам, - объяснила она. - Гарри - это живой крестраж, невольное хранилище части души Волан-де-Морта. Темный Лорд может знать, что у него есть прямая связь с разумом Гарри, и из-за этого Дамблдор и его союзники не могут довериться Гарри. Мальчику предстоит сразиться с Темным Лордом меньше, чем через полгода, и он еще не готов. Дамблдор предпочитает не работать непосредственно с Гарри, чтобы подготовить его, и поэтому он поручает его Вам, в надежде, что Вы сможете помочь ему.

Пожилой волшебник с интересом наклонился вперед, слушая объяснения Скитер.

- Даже я не создал крестража, - задумчиво произнес Гриндевальд. - Да, я командовал большими силами. Я привел в движение ужасные события и развязал самую страшную, самую широкую войну, какую только видел мир. И все же я знаю, что мне никогда не приходило в голову расколоть свою душу, сознательно совершить разрушающий душу грех в попытке достичь бессмертия. Как глупо со стороны Волан-де-Морта делать крестраж из хрупкого, живого существа, и еще глупее, когда это существо - человек! Ведь если бы у него хватило смелости, Гарри мог бы уничтожить себя, а заодно и половину души Волан-де-Морта.

- Гарри - всего лишь один крестраж, и мы полагаем, что это случайный крестраж. Волан-де-Морт сделал по меньшей мере шесть других.

- Волан-де-Морт сделал больше? - сказал Гриндевальд, потрясенно поднимаясь со стула. Говоря это, он принялся расхаживать по комнате. - Этот человек, должно быть, безумен. Никто никогда не делал ничего подобного. Что останется от человека после такого саморазрушения? - Скитер сидела в почтительном молчании, пока древний волшебник ходил по своей камере, бормоча что-то себе под нос на непонятном ей языке.

- Что происходит? - спросил Гарри, начиная терять терпение.

- Извини, Гарри, - сказала Скитер. - Я не ожидала, что интервью будет проводиться на другом языке, кроме английского. Я знаю, что это должно быть немного скучно для тебя. Я введу тебя в курс дела, когда мы закончим. Гриндевальд о чем-то задумался, - тихо добавила она. - Оставим его ненадолго в покое.

Старик продолжал расхаживать по комнате, и прошло некоторое время, прежде чем он заговорил, а Гарри и Скитер все это время почтительно молчали. Наконец Гриндевальд произнес имя Гарри.

- Конечно, Дамблдор хотел, чтобы ты изучал окклюменцию. - этот вопрос возник для Гарри из ниоткуда, так как он ничего не понял из предыдущего разговора.

- Да, это так, - сказал Гарри. - Он попросил одного из профессоров Хогвартса научить меня.

- И с каким результатом?

- Я начал изучать легилеменцию, но еще не начал заниматься окклюменцией.

- Окклюменция - это самое трудное искусство, которое можно приобрести, - сказал Гриндевальд. - Может пройти много времени, прежде чем ты научишься основам, а истинное мастерство приходит лишь к немногим. Ты, должно быть, исключительно талантлив, раз Дамблдор даже подумал о том, чтобы обучать тебя в таком юном возрасте. Если бы у тебя было больше времени, Дамблдор, несомненно, не послал бы тебя ко мне. Но я понимаю, что у тебя есть совсем немного времени до того, как ты сразишься с Волан-де-Мортом, и есть определенные вещи, которым тебя нужно научить, и которые могут быть преподаны только здесь.

- Откуда Вы знаете, что я сражаюсь с Волан-де-Мортом? - сказал Гарри, встревоженный тем, что секрет раскрыт. - И что заставляет Вас думать, что Вы можете научить меня лучше, чем профессор Дамблдор или другие профессора в Хогвартсе? - в отличие от Скитер, старик не произвел на Гарри никакого впечатления. С точки зрения Гарри, пожилой полиглот был всего лишь старой версией Волан-де-Морта, давным-давно побежденного и заключенного в тюрьму на всю жизнь за свои преступления.

- Я знаю о твоей встрече с Волан-де-Мортом, потому что Мисс Скитер объяснила мне это всего несколько минут назад. И она знает, потому что твои приготовления на рождественские каникулы и в школе хорошо известны некоторым сотрудникам Хогвартса. Тебе еще больше повезет, если эти планы не будут известны и твоим врагам. - Гриндевальд изо всех сил старался не улыбнуться явному замешательству мальчика. Со времен юности старого волшебника ничего не изменилось: молодые все еще верили, что старики почти ничего не знают, и были поражены, узнав обратное. Ответив на первый вопрос Гарри, Гриндевальд перешел ко второму.

- Дело не в том, что Дамблдор считает меня лучшим учителем, чем он и его коллеги в Хогвартсе. Это правда, что у меня есть много знаний, которые я могу передать тебе, если захочу. Но ты здесь не по этой причине. Тебя послали в Нурменгард из-за одного из свойств, которыми он обладает. Как вы, наверное, знаете, Нурменгард был построен мной. Я задумал его как хранилище для моих врагов. Внутренность этого замка непостижима для тех, кто находится за его пределами. Никто не может заглянуть внутрь его стен, с магическими средствами или без них. Ничто из того, что происходит здесь внутри, не может быть сообщено внешнему миру. Когда ты вернешься в Хогвартс, ты обнаружишь, что не можете никому рассказать о том, что здесь произошло. Ты также не сможешь записать то, что ты испытал. Сыворотка правды ничего не добьется. Никакой метод извлечения информации не сможет проникнуть сквозь магию, которая защищает все, что происходит в этих стенах.

- Значит, мне не понадобится окклюменция, чтобы скрыть то, чему я здесь научился, - сказал Гарри.

- Я уверен, что ты все еще должен изучать окклюменцию, но не для того, чтобы защитить то, что мы с тобой обсуждаем. Внутри этой тюрьмы мы можем свободно обсуждать вещи, о которых Дамблдор не может говорить с тобой из-за страха, что Волан-де-Морт узнает об этом.

Гарри кивнул, как будто все понял, но больше всего его занимало смущение. Все "секретные" встречи, которые он проводил со своими друзьями-гриффиндорцами в Норе, были известны. Причина, по которой он вступил в дуэльный клуб, была, по-видимому, общеизвестна. Возможно, члены Ордена обсуждали весьма секретную клятву, которую он и другие недавно принесли в туалетной комнате Плаксы Миртл. Гарри стало стыдно, и его разнообразные планы теперь казались почти детскими в своей простоте. Он чувствовал себя таким уверенным, таким уверенным в себе, и все же казалось, что все, что он делал, было практически на виду у публики.

http://tl.rulate.ru/book/43789/1072563